

ЗАВОДСКАЯ ПРОХОДНАЯ

рассказы

ГИТАРА

В инструментальный цех Володька устроился работать в начале лета. Вернулся в провинциальный Тайшет из Свердловска, в котором были перспективы хорошей работы на оборонном заводе, получена специальность оператора станков с ЧПУ* после ускоренного окончания ПТУ. Отличная бригада, общежитие, заочное обучение в институте, а лет через шесть, не больше, квартира... Но, после короткой побывки в родном городе, вспыхнула как костёр любовь, к девчонке, с которой четыре года проучился в одном классе.

В восемнадцать лет любовь может затмить всё вокруг, и вот, бросив все свои перспективы в столице Урала, Володька вернулся. Остановился пока у брата в деревне, фактически в пригороде, и первым делом начал искать работу. Решил устроиться станочником на завод, обязательно на сделку, и побыстрее начать прилично зарабатывать...

Хитрый, а точнее мудрый начальник отдела кадров, с еврейской фамилией и всё понимающим взглядом, посмотрел диплом станочника-программиста, и вздохнув, посетовал, что сдельщиками как раз сейчас укомплектованы все цеха, но, в инструментальном участке есть-таки одно местечко фрезеровщика, правда станки с ЧПУ будут позже, буквально в самое ближайшее время, а пока придётся поработать на обычном фрезерном, но зато зачислят сразу по третьему разряду. На вопрос Володьки о зарплате, опять повздыхал и сказал, что пока рублей 130, но потом, через полгода сдашь на четвёртый разряд, да и самое главное – квартиру получишь года через три, железно, а общежитие выделят сразу.

Конечно, Володька расстроился. Слышал от знакомых, что токаря и фрезеровщики заколачивают на ЗРДСМе по 250, а то и по 300 рэ, но квартиру в городе за такой срок нигде не заработаешь, и согласился. А спустя пару дней, выйдя в смену к напарнику Сашке, понял, что на сделке, не только 250, но и сотню не заработал бы, и это не считая вычетов за брак.

Одно дело станки с программным управлением. Магнитную бобину или перфоленту с программой зарядил, деталь на столе закрепил, базу выставил, и стол на

* ЧПУ – числовое программное управление

контрольные точки поставил. Всё – можно станок запускать. Станок сам, что надо сделает и в исходное положение вернётся, только смотри, чтобы смазка хорошо подавалась, да детали меняй. А если программа длинная по времени, то можно ещё один-два станка обслуживать.

Здесь же все вручную. Только начал деталь обрабатывать, фреза хрясь! Или глубину обработки взял, как положено, снял деталь, померил – почему-то миллиметр лишний срезался. Не работа, а мучение одно. Начальник только головой качает, мастер (сам бывший фрезеровщик) матерится и Сашке выговаривает, чтоб тот помогал, да проверял за новеньким, а тот в ответ: «Так это ж не ученик, а фрезеровщик аж третьего разряда». Мастер ему на это: «Ты давай не умничай, сам-то помнишь, каким лет пять назад был?». Короче говоря, не работа, а сплошной стресс.

Но потом потихоньку стало получаться. Сначала работу попроще давали, и Володька тупо старался запомнить на каких режимах ему Сашка говорил работать, какую скорость вращения, какую подачу. И только спустя, наверное, год, стало приходить понимание, а в дальнейшем – самое главное – стал чувствовать через ручки управления станком, как режется металл, а с этим пришло удовольствие от работы, от того что сработал вещь, а не вымучил детальку кое как, с горем пополам.

Постепенно и работу стали подкидывать посложнее. В инструментальном цеху, в отличии от автосборочного или цеха строймеханизмов, работа всегда разная. За смену станок перенастраиваешь по несколько раз. А бывает наоборот, несколько смен деталь за одну установку обрабатываешь. Сашке, конечно, самую сложную работу приходилось делать: прессформы, развертки спиральные или кокиля – формы для отливки чугуна и алюминия. У Сашки работа шла легко и играючи, без напряжения, хотя внешне он выглядел как разгильдяй, и работал как бы нехотя. Сказывался опыт, и какое-то внутреннее чутьё, хотя образования было всего восемь классов, да и то школу закончил на тройки. У Сашки был пятый разряд, выше только у мастера. Пятый разряд был и Лешки из другой смены, и хотя он заочно заканчивал техникум, и был технически грамотней, но такой лёгкости в работе не ощущалось.

Однажды, когда Сашка был в отпуске, Володьку поставили в одну смену с Лёхой. И в понедельник с утра озадачили работой, которую он наблюдал до этого только со стороны – делать спиральные развертки. Для изготовления различных шестигранников, квадратов, и просто нарезки зубьев существует такое приспособление, называемое делительная головка – механизм с патроном как у токарного станка. Закрепил деталь, прошёл фрезой, потом поворот ручки делительной головки на определённое число оборотов, и снова проход. Делительная головка чётко поворачивает деталь на нужный угол, получается хоть шесть частей, хоть сорок шесть – сколько надо. Такую работу Володька уже давно научился выполнять.

Для нарезки же спиральной резьбы, требовалось присоединять ещё одно сложное устройство, которое крепились одной ведущей шестерней к валу стола, а другой к валу

делительной головки, а между ними был набор ещё из нескольких разных шестерёнок. Всё это устройство называется «гитарой». Когда включается подача стола, головка через шестерёнки начинает вращаться. Вместе с головкой вращается и обрабатываемая деталь. Сложность заключалась в том, что гитара эта настраивалась по специальной таблице, лежащей в тумбочке с гаечными ключами и фрезами. На каждый шаг спирали, своя настройка гитары. (Наверное, это приспособление потому и называли гитарой, что нужно было настраивать прежде чем «сыграешь»). Гитара эта лежала в отдельном ящике, куда Санька после работы её убирал.

Володька достал приблуду, которую Сашка вероятно поленился, после последней с ней работы полностью разобрать, поэтому она состояла как бы из двух частей, с разными шестерёнками.

– Лёха, помоги гитару настроить, - стал просить напарника Володька. Лёха лениво отмахнулся:

– Чего там настраивать, посмотри в таблицу, какой шаг, такие и шестерёнки. Число зубьев на них набито. – На самом деле Лёхе не хотелось ковыряться с настройкой – муторное это занятие, да и не часто самому приходилось эту работу выполнять.

Делать нечего. Володька взялся за расчёты, в общем оказалось и впрямь не сильно сложно, страшновато только, вдруг чего перепутаешь и развертки «запорешь». Правда, сначала пришлось Санькину настройку разобрать, потом уже подобрать свою по книжке. Подошёл мастер Серёга, посмотрел, вроде всё нормально.

– Ну вот, а ты боялся. Смотри, сейчас у тебя резьба будет правая, а если нужно левую резьбу, то добавляешь «паразитку», – Серёга показал на небольшую шестерёнку с выбитой на плоскости буквой «П». – Делай давай, не бзди.

К концу смены развертки были готовы, и технолог Слава Плаксин отдал их термистам на закалку, а довольный выполненной работой Володька, снял кран-балкой делительную головку, почистил и смазал станок, разобрал и, протерев ветошью шестерёнки, убрал гитару на место.

Вскоре вышел из отпуска Санька, и Володька опять стал работать с ним в одну смену. Примерно через неделю снова потребовались работы с гитарой, и её как обычно отдали Сашке. Не выпуская «бычок» изо рта, Сашка настраивал станок. Поставил делительную головку, фрезу, закрепил деталь и полез за гитарой. А ещё через минуту на весь цех, заглушая гул станков, разнёсся пронзительный Сашкин крик, состоящий почти из одних междометий и матов:

– Ё...! Какая б... гитару разобрала?!!!

Услышав, что Санька орёт, к нему стали подходить работяги от соседних станков. Интересно же посмотреть чего случилось. Может тиски машинные на ногу уронил, или стружка горячая в ухо залетела. Да мало ли случаев бывает, когда можно над чужим горем позубоскалить.

Сашка не унимался:

– Суки! Я три года на ней работал! Как я теперь её соберу?

Мужики вокруг ржали, а Володька слегка офигел.

– Как это три года работал? Почти на всех деталях шаг бывает разный. Ну, совпадёт иногда. А как же инструмент работать будет? Те же самые развертки.

– Какая нахрен разница! Кто этот шаг проверит? – Санька продолжал разоряться. – Так это ты умник хренов! Понаучились тут всякие! Понабрали с дипломами! Вот теперь сам и собирай, как хочешь.

Злость у Саньки прошла только после того, как Володька минут через десять собрал ему гитару. И то после этого продолжал ворчать себе под нос. А в конце смены как бы подбил итог:

– Короче, если тебе надо, можешь гитару под себя настраивать, но НИКОГДА БОЛЬШЕ ПОСЛЕ РАБОТЫ ЕЁ НЕ РАЗБИРАЙ!

Май 2013 г.

САМЫЙ СКОРЫЙ ПОЕЗД

Путешествие на 30 лет назад

В конце восьмидесятых прошлого века, трудился я на славном в нашем городе заводе по ремонту дорожно-строительных машин. Славным он был без всякой иронии, хотя кроме него в то время в городе много было разных предприятий. Перебираю сейчас в уме: комбинат стройиндустрии, шпалозавод, ПМК, РСУ, СМП-175 и СМП-621, пищекомбинат, мясокомбинат, маслозавод, хлебозавод, швейная фабрика, множество баз и небольших заведений – по местному «шараг». Само собой железная дорога со своей структурой – локомотивное и вагонное депо, ПЧ, ШЧ, ПМС, НГЧ, ЭЧ, станция. Что сегодня у нас от этого осталось? Кроме общипанной и частично приватизированной железной дороги? Практически ничего! Ну да рассказ мой не про это.

Помимо всего хорошего, наш завод был ещё отменной кузницей кадров. И специалистов хороших подготавливали, начиная с рабочих профессий до инженеров и руководителей, и школа воспитательная была в плане общечеловеческом и нравственном. Нас, рабочих, побуждали не только хорошо зарабатывать, но и повышать свой образовательный уровень, обучаясь заочно в институтах или техникумах.

Вот и я, под давлением начальства, не долго колебавшись, поступил в Новосибирский электромеханический техникум, благо вступительные экзамены сдавали прямо на заводе. Как имеющий среднее образование, сразу на 3-й курс. Тайшетцы в сём учебном заведении учились далеко не первый год. Вначале на сессию уезжали те, кто курсом старше, потом следующие, затем уже в ноябре месяце новенькие.

С собой нужно было брать всё, от посуды, до еды. Но, впрочем, посуда накопилась за годы учёбы. У кастаньяши стояли мешки подписанные «Тайшет» или, к примеру, «Вихоревка». Так, что кастрюли, сковородки тарелки и прочие вещи брали и пользовались, а по отъезду сдавали обратно. С собой только ложка, кружка, складной нож. Ну а еда, кто что мог. Картошку, крупу, тушёнку, сгущёнку, консервы, чай – целый рюкзак. Чтобы деньги не тратить.

Денег всегда не хватало. Билет туда - обратно, две недели жить, домой гостинец какой, хоть пепси-колы, (которая тогда здесь выпускалась), привезти надо. Ну а дома семья, дети – тоже не жируют.

К примеру, у нас окладников зарплата 170-190, это если разряд четвёртый или пятый. Вот и копишь продукты.

Наш курс сформировался чисто мужской: пятеро «РМЗ-совских», как мы себя звали, ещё один - шпалозаводской. По приезде, первое дело после заселения в общагу, узнать расписание занятий и в пивбар, местного хорошего пива попробовать. В дальнейшем уже может и не придётся, ну а пока... Пиво в Новосибе отменное!

Далее. Сбросились на общак. На хлеб и прочие расходы. Решили, что общак будет у самого пожилого (для нас молодых) Юрия К. Юра спокойный, хозяйственный, лет сорока электронщик. Очень к себе располагает. Как старший брат. По комнате график дежурств набросали. По очереди один полы моет, другой ужин вечером готовит, всё просто. Насчёт хавчика решаем сообща, что будет сегодня, что завтра.

Теперь зарисовки из жизни студентов.

Наркоманы ушастые

Наркоманы ушастые – это мы. Все, кроме Валеры Ш., который наименование это почётное нам присвоил. В шутку конечно. Валера работал на шпалозаводе, не помню уже кем, диспетчером, кажется. Бывший гаишник, которого, наверное, за пьянки выперли. Во всяком случае, коррупции тогда в ГАИ не было, так на рубль-другой кого развезти. Диплом Валере был нужен, так как по его словам бумажки на столе перекладывать, это вам не шпалу ворочать. Хохмач Валера был ещё тот. Внешне немного полноват, лысоват и хрипловат. Пару слов прохрипит, мы за животы уже

держимся. Особенно Валера любил пошутить, когда мы ужинать садились. Пока мы «Хи-хи, да ха-ха», тот уплетает, только испарина на лбу. Так и в тот раз.

Кастрюля средних размеров с макаронами, в коих обильно китайской тушёнки, стоит посреди стола. Картина напоминает эпизод из фильма «Джентльмены удачи», когда подставной Доцент в камере на столе восседал. Валера как пахан, (правда, не на столе, а во главе стола) в полосатой десантурской майке и трико. Напротив него самый молодой из нашей группы Игорь И. Тому палец покажи, он уже ржёт как молодой лошак. Остальные по обеим сторонам стола.

Раз уж Валера ужин готовил, он и распорядится. Только потянулся кто с ложкой к макаронам сразу по рукам. «Куда поперёк батьки?!!». Игорёха, поскольку дальше всех от него и для «пахана» недосыгаем, всё равно уже полный рот макаронами себе набил. Сидит, пережёвывает.

Валера на нас: «У, всех порешу, наркоманы ушастые», - и козу из пальцев в сторону Игорька. Нам смешно, а Игорёха с полным ртом сидит, лицо краской наливается и пухнет, глаза округляются, и вдруг как выстрелит! Макароны с тушёнкой изо рта фонтаном через весь стол, как раз на Валеру. Мы от смеха со стульев потихоньку на пол сползаем, но сквозь слезы видим, как Валерка макароны с ушей на пол стряхивает. Ну, пока мы просмеялись, половины хавчика уже не было. Валера никого дожидаться не стал, и вероятно в виде компенсации съел. А Игорьку, вообще почти ничего не досталось, так как он остановиться никак не мог. И поделом ему, нечего поперёк батьки...

Белые розы и самый скорый поезд

Когда сдавали весеннюю сессию, погода просто шептала. Расцвела черёмуха. Вокруг ароматы и дурман. Сдавали экзамены с переменным успехом, но обошлись в этот раз без хвостов и пересдач. Оставался только один экзамен завтра, и душой мы все уже были дома. Игорёха неподалёку в ларьке купил кассету магнитофонную, аж за десять рублей!

Костя М., сверкая железными фиксами, ему говорит: «Ты, мол, вообще рехнулся! На червонец в кафешке можно с девчонкой посидеть, а лучше здесь поляну на всех накрыть».

Но Игорёк сам себе на уме. «Я, - говорит, - эти деньги в Тайшете за пару дней отобью, а потом ещё наварю ствольник. Песни то свежие и классные, пацаны из детского дома поют, улёт. Пока у нас появятся, я все сливки соберу. У меня знакомая в ларьке на вокзале продавщицей работает, потихоньку толканём». У Игорька, где не коснись везде знакомые, особенно женского пола.

Заинтриговал, короче говоря, всех нас, прохиндей. Охота стало и нам послушать. А как её слушаешь, когда магнитофона нет? Но для Игорька преград не существует. Потёрся немного наш ловелас после ужина в блоке, где проживали заочницы, и к отбою уже с магнитофоном-кассетником был у нас в комнате. Выцыганил на пару часов.

Включили потихоньку, чтобы дежурная на этаже не придиралась, и залегли по кроватям слушать. Содержимое кассеты, на которой авторучкой было написано «Ласковый май», превзошло все наши ожидания. Пронзительный мальчишеский голос Юры Шатунова, (это мы потом узнали его имя и фамилию) пел песни непривычные нашему советскому уху. Да ещё то, что детдомовец, наполняло жалостью неприхотливое их содержание.

«И снова седая ночь, и только ей доверяю я...», «Белые розы, белые розы – беззащитны шипы...».

Прослушали на два раза, Игорьку говорим: «Нам бесплатно закатаешь, как домой приедет». Тот говорит: «Подумаем. С вас ещё за прослушивание надо по рублю тряхнуть». И подался магнитофон относить.

Наверное, под впечатлением пацанских песен о любви, или от того, что за окном такая благодать, мысли у всех понятно где. Пока ждали Казанову обратно, стали переговариваться о предстоящем дне. Рассуждаем примерно так: после экзамена сразу на вокзал. Билеты на ближайший поезд должны быть. Ещё не сезон. Вещи собрать и комнату сдать – делов на двадцать минут.

И снова в мыслях уже дома. Да не только в мыслях, но и на словах. Поочерёдно вспоминаем как хорошо, когда под боком любимая. Смысл всех слов сводится к тому, как приеду, милую обниму, а потом вечером детишек уложим и...

Повздыхали. Стали затихать. И мысли и сознание. И тут раздался голос нашего Мишани. Миша К. в принципе, мог обходиться без слов. Здоровенный детина лет под тридцать. Все эмоции у него на лице отображены и окружающим понятны. Говорит лишь, когда спросят, немного подумав, и то кратко, как бы взвешивая каждое своё слово. Так вот Миша громко и непреклонно заявляет: «Домой поедет на самом скором поезде!».

Несколько секунд стояла тишина – мы переваривали случившиеся. То, что Миша заговорил и то, что именно он сказал. А затем взрыв смеха. Бывает когда пробыёт и никак не остановиться. Это был как раз такой случай. Чуть только успокоишься, Миша негромко «Гы-гы». Это так, по-видимому, выражался его гомерический смех. После этого «Гы-гы», у нас снова приступ смеха. Валера уже на Мишаню хрипит: «Сволочь, замолчи!». А того тоже пробило «Гы, да гы». Хорошо, что Игорёня ещё не вернулся - у девчонок завис. Тот бы точно уделался от смеха.

Но печальный финал этой истории случился на следующий день. Экзамен сдали все, кроме Миши. Утешали мы его, как могли, оставшуюся еду из сумок выложили.

Даже рубля три мелочи наскребли. Сами-то уже завтра дома будем. Не скорым, простым пассажирским, доедем часов за двадцать.

Домой Миша приехал только спустя три дня после нас. Пересдавал два раза.

...На дворе стоял 88-й перестроечный год. Впереди, не за горами, трудные времена, а пока ещё всё более-менее нормально. Нет уже давно в живых Валерки и Игорька. А остальных не видел давно. Может и к лучшему. В памяти они как вчера – молодые, жизнерадостные, уверенные в завтрашнем дне. И как будто родные...

Октябрь - ноябрь 2018 г.

ХАЛЯВА*

«На халяву и укусу сладкий...»

(Народная мудрость)

1

В инструментальном цехе в восьмидесятые работало чуть больше сорока человек, поделённые на несколько участков: механический (станочники – токари и фрезеровщики, шлифовщики и строгальщики), слесарный, термический, и участок заточки инструмента. Была ещё лаборатория, но она существовала автономно, и жила своей жизнью, от посторонних глаз скрытою.

Почти весь коллектив цеха работал в первую смену, во вторую смену только токари, фрезеровщики и частенько один из термистов. Лишь изредка выходили кто-либо из заточников или слесарей, когда была срочная работа. Сменное задание каждый станочник получал индивидуально от мастера и сам отвечал за исполнение. Старший смены, назначенный из станочников, только приглядывал за общим порядком.

В девять вечера полагался обеденный перерыв, а точнее ужин. Пожилые питались каждый из своего «гомонка» – пакета со снедью. Станочники помоложе харчевались обычно вместе. Заранее закидывали железную болванку в термическую печь, и за полчаса до ужина, выкидывали её на бетонный пол длинным крючком. На раскалённую болванку ставили кастрюлю с водой, которая мгновенно закипала, кидали туда

* Халява — что-либо, полученное задаром, бесплатно

почищенную и порезанную картошку, лук, пару пакетов вермишелевого супа и банки две рыбных консервов, а иногда, вместо рыбы, китайскую тушёнку.

На продукты скидывались из расчёта на всю неделю сразу, картошку и лук из дома по очереди приносили и держали в кабинке для переодевания.

Ели весело, хлебная наваристая варёвка прямо из кастрюли, рядом уже настаивался чай в литровой банке, вскипячённый предназначенным для этого самодельным кипятильником «бульбулятором», как его шутейно называли.

Кипятильник имел каждый уважающий себя работник цеха, то есть практически все. Делались они по одному принципу – загнутая скобкой тонкая пластина из нержавеющей стали, внутри неё другая пластина, прямая. Между собой они крепились через пластинки диэлектрика – обычно текстолита или карболита. Дальше два провода в изоляции и вилка, специальная для тройных розеток, которыми была оснащена столярка инструментального цеха.

В других цехах доходило до дикости. Розеток почти не было, а если и были, то далеко, и станочники цепляли один оголённый конец провода в щитке токарного или сверлильного станка за корпус, а другой накидывали на фазу. Конечно, это было грубым нарушением техники безопасности, и начальство гоняло работяг, периодически проводя рейды и изымая кипятильники. В инструментальном цехе, всё было более менее культурно и начальник смотрел на использование бульбуляторов сквозь пальцы, тем более, что у самого в кабинете имелся такой же.

Литровая банка воды закипала от действия такого кипятильника буквально за пару минут, поэтому дефицитные магазинские, даже если у кого и были, считались мужиками признаком дурного вкуса.

Варёвка из кастрюли быстро перемещалась в здоровые организмы станочников, следом разливался по стаканам густой ароматный чай, а к чаю в основном прикупались рублёвые конфеты – подушечки называемые в народе «Дунькина радость». Потребление обжигающего напитка вприкуску с карамельками несколько не мешало главному во время ужина – игре.

Играли то в шашки, то в шахматы, то в карточного «покера» на уши, то просто в «дурачка» или в «сто одно». Главное, всегда был азарт, и поиграть прибегали даже из соседних цехов, наскоро проглотив ужин.

Для инструментальщиков были характерны две вещи. Первое – они никогда не играли на деньги, в отличие, например от ЦСМовских, которые резались в «храпа», ставя на начальный кон по пять копеек, и влетая иногда на приличные по тем временам суммы. И второе – несмотря на всеобщее повальное увлечение заводчанами забиванием при малейшей возможности доминошного козла, эта «болезнь» обошла инструментальный цех стороной, как-то не прижилась.

Позднее пришло ещё одно увлечение, правда только летом и в обед первой смены. Возле цеха натягивалась волейбольная сетка и шла резня в волейбол, по одной партии навывлет, так как желающих сыграть всегда было много...

Однако вернёмся к чаю.

Чай потреблялся и в первую смену, и во вторую. Помимо ужина успевали разок-другой вскипятить. Уважающий себя рабочий всегда имел определённый запас заварки, обычно простой грузинской, иногда отдающий соломой азербайджанской, а иногда и шикавали индийским. Бывало, забывали заpastись вовремя, и чай неожиданно заканчивался, тогда приходилось «стрелять» у других. Зато потом сам приглашаешь в ответ чайку «накатить».

Во все времена и в любом коллективе находились любители халявы. Там чайку стрелнёт, там конфетку попросит, и так постоянно. Халявщиков обычно не любили – не то чтобы сильно жалко конфетку или чаю полстакана. Просто совесть-то должна быть у каждого. Почему кто-то должен тратиться, а другой самый умный, что ли? Над халявщиками и подсмеивались и стыдили, бывало прямо в глаза, но порода этих людей не выводилась.

2

Володьку как-то отправили на месяц в слесарно-механический цех «на прорыв». Был конец квартала, и местные станочники иногда зашивались с планом, вот и бросали к ним на прорыв окладников из инструментального цеха и ОГМа. Станки выделялись, правда самые раздолбанные, и оснастка была намного хуже, чем в родном цеху, но платили весь оклад и ещё процентов двадцать пять от сделки, так, что можно потерпеть.

Местные станочники были большие любители игры в домино. Бывали годами сложившиеся пары, виртуозы, казалось бы, простой игры. Играли в основном в обед – и в первую смену и во вторую. Даже иногда в пересменок оставались после работы забить партейку – другую. Столы были покрыты металлическими листами, а доминушки вырезаны из алюминия, так как покупные не выдерживали и одного дня забивания и ломались. Да и у этих, алюминиевых края были заметно стёрты от усердного употребления.

В обед тишину огромного цеха, то там, то здесь нарушал мощный финальный удар доминушки о стол, и взрыв хохота, особенно если кто-то получал «козла». Позору не оберёшься, пока не отыграешься, так и будешь в козлах ходить. Рассказывали, что раньше, были специально отлитые в кузне две большие козлиные морды на собачьих цепях. Та пара, которая получала козла, обязана была играть исключительно с этими орденами на шее, пока не отыгравались. А отыгратся можно было, если другим забивали, а это всё-таки происходило нечасто. Невезучие, бывало, играли с орденами неделю и больше.

В то время, о котором идёт рассказ, такого зверства с орденами уже не было, но всё равно Володька играть здесь опасался – опозоришь ещё себя и свой цех, да и напарника у него не было. Так, наблюдал за игрой со стороны, как болельщик. В этом цеху Володька и стал свидетелем, одного интересного воспитательного случая, похожего больше на анекдот.

Те мужики, которые пока не играли и ждали своей очереди, гоняли чай. Одно время прирастились пить чай с яблочным или сливовым повидлом, намазанным на хлеб. Магазин заводской в десяти шагах от цеха, прямо на территории завода, сбегал да и купил. В основном просили сбегать за заваркой и повидлом кого помоложе и пошустрей, скинувшись по двадцать-тридцать копеек. Потом пили чай, нарезав хлеб, и из стеклянной банки намазывая на него повидлу толстым слоем.

Один из станочников, с которым Володька попал в смену, был типичным халявщиком. Василий, (условно назовём его этим именем) на сладкое никогда не скидывался. Чай у него имелся свой, хлебушек тоже, а вот конфету или повидлу приноровился то у одних выпросить, то у других. Мужики, зная его натуру, решили Васю проучить. Стеклотара из-под повидло – банки ёмкостью в 700 грамм, в основном выкидывались. Некоторые мылись и употреблялись под кипячение чая, в некоторые даже болтики складывали.

Однажды Володька увидел троих шушукующихся между собой токарей, которые время от времени прыскали от смеха в кулак.

– Чё ржёте, – любопытствовал он, – гадость, поди какую надумали?

– Тихо, ты! Щас посмотришь, как Ваську от халявы будем отучать! – ответил один из парней. – Только чтоб никто не засмеялся, поняли?

Сели как обычно возле станков на корзины с заготовками. Володька присел вместе с ними, разливая по стаканам принесённый с собой чай. На тумбочке порезали хлеб.

То, что руки у всех были чернущие, это никого не смущало. Мазута за грязь не считалась, царапины и те быстрее от мазуты зарастали. Так, маленько эмульсией (охлаждающей жидкостью) сполоснёшь, ветошью вытрешь, и будь здоров. Намазали повидло на хлеб, и один из токарей – Серёга, быстро убрал банку с её остатками в тумбочку, а вместо неё, достал точно такую же, немного не полную, с воткнутой внутрь столовой ложкой. **В банке был свежий солидол!** Но по виду от повидло не отличить.

– Так, тихо! Вася идёт! Вовка давай анекдот рассказывай какой-нибудь, – скомандовал Серёга.

Володька анекдотов знал невероятное множество. Когда заводчан в колхоз отправляли в виде шефской помощи, то до полуночи в общаге мужикам травил байки, те аж плакали от смеха. Но сейчас мужики слушали в пол-уха, хотя делали вид, что страшно интересно.

– Уехал как-то мужик в командировку, а к жене любовник намыливается... – начал Володька.

Подошёл Василий со стаканом своего чая и куском хлеба.

– Эта-а, мужики дайте повидлы на хлеб намазать, а то жрать хочу, аж переночевать негде.

– Вон на тумбочке возьми, – отмахнулись мужики, продолжая слушать рассказчика.

– Возвращается мужик внезапно, а у порога ботинки 47-го размера...

Вася поставил стакан на тумбочку и стал намазывать из банки на хлеб, поглядывая на рассказчика и пытаясь вникнуть в суть анекдота. Наступал кульминационный момент. И в анекдоте, и у Васи. Василий, глядя на травившего анекдот Володьку, откусил кусок от своего бутерброда. Мужики и краем глаза не повели. Вася на секунду перестал жевать, прислушиваясь, то ли к анекдоту, толи к вкусовым ощущениям. И проглотил. Мужики героически это выдержали, только лица от напряжения покраснели.

– ...А вот, фиг вы меня увидите, говорит муж любовнику – амбалу! – закончил Володька анекдот. И одновременно с этим Василий откусил второй кусок.

У Серёги изо рта вылетел фонтан чая. Прямо на Васю. Остальные мужики тихо поскуливая, поползли по полу в разные стороны. Вася молча хлопал глазами, и тут до него дошло...

– Суки, уроды недоделанные, – матерился он, выплёвывая хлеб, а потом запустил намазанным куском в Серёгу. Тот даже увёртываться не стал, просто плакал сидя на корточках. Вокруг уже толпились любопытные, ничего не понимающие работяги. Васю же, как ветром сдуло. Суть произошедшего смогли рассказать только спустя несколько минут.

– Вася... Повидла... – Серёга, рыдая, показывал на банку, и никак не мог остановиться.

...На следующий день все в цеху охотно предлагали Васе чаю с повидло, а тот только матерился и скрипел зубами. Наверное повидло разонравилась.

3

В инструментальном цеху свои халявщики также имелись. К примеру, Петрович. Худощавый пожилой мужик, опытный заточник, спокойный, знающий себе цену. Любил иногда выпить с напарником. Но потихоньку, по чуть-чуть, для тонуса. Частенько в станине заточного станка у них была заначка – чекушка белой. Дёрнут понемногу и дальше фрезы затачивать – вжик, вжик. Поворот фрезы на один зуб, и снова – вжик, вжик. Искры от заточного камня летят, вытяжка гудит, работает. Всё в норме. Хотя Петрович с напарником были курящие, и курили одинаково много, но

Петрович папирос никогда не покупал. Из принципа. Нафиг покупать, когда в цеху человек двадцать пять курящих. Они что, Петровича не угостят? Тем более, что бóльшая половина в сыновья годились.

Володьке было проще – он не курил. А хуже всех было Саньке, так как станок его как раз напротив дверей заточного отделения, да ещё курил Санька любимые папиросы Петровича – «Беломорканал». Василий – напарник Петровича курил всегда свои и Петровича не угощал, а когда тот просил, то просто посылал подальше, наверное потому, что годами был ненамного младше. Мужики на перекур собирались в курилке, а Петрович туда не шёл, знал, что толпой могли и высмеять, невзирая на возраст, поэтому предпочитал курить возле своих станков. Мастер пробовал наехать на заточников, чтобы не курили на рабочем месте, да махнул рукой – у них рукав вытяжки на каждом станке, туда не только дым, бычки со свистом улетают.

Спички Петрович тоже никогда не покупал. Зачем, когда всегда наждак под рукой. Нажал на кнопку, кусок электрода придавил к камню, и пожалуйста – прикуривай от раскалённого конца. Мужики в цеху посмеивались, что вот как Петрович, экономя на куреве, машины и покупают.

Дело в том, что Петрович был обладателем «Жигулёнка», и раз в месяц выезжал с супругой на рынок, а так легковушка стояла в гараже и потихоньку гнила. Однажды Петрович был сильно удивлён, что у него проржавел глушитель. Как, мол, так, машина почти без пробега, а глушитель проржавел, наверняка был бракованный. На доводы соседей по гаражу, что машина без эксплуатации может в гараже сгнить в разы быстрее, чем та на которой постоянно ездят, он не верил.

Так вот, как-то достал Петрович Саньку со своим «дай закурить», Володька и посоветовал напарнику для Петровича папироску зарядить. Можно головок спичечных в табак намешать, или ногтей мелко крошить. Говорят, что если кто ногтями затяжку сделает, того может стошнить, даже курить потом не будет. Но Санька выбрал первый вариант.

С вечера они с Володькой зарядили пару папиросок спичечными головками, причём сработать должно было, только после хорошей затяжки. Положили папиросы на верхней полке в тумбочке, там, где всегда лежало курево у Саньки. Рядом небрежно бросили пустую пачку из под беломора. Шансов у Петровича не было. Шепнули кое-кому, что будет представление, и стали ждать перекур.

Здесь требуется сказать, что с согласия начальника цеха и профкома, были введены в цеху, так называемые акустические паузы. То есть каждый час станки выключались на десять минут. Конечно, если какой-нибудь станок не был заряжен на непрерывный цикл. В цеху устанавливалась относительная тишина, курящие использовали это время для перекуров и что бы байки разные потравить. Не всех такой порядок поначалу устраивал, особенно некурящих, но потом все свыклись...

Первую Петрович стрельнул у проходившего мимо термиста, а незадолго до следующего перекура, пошёл к Сашке.

– Дай закурить твоих, – не столько попросил, сколько потребовал Петрович.

– В тумбочке возьми, – Санька сделал вид, что сильно увлечён обработкой прессформы.

Володька, остановил свой станок, и, взяв первую попавшуюся фрезу, поспешил в заточное отделение, якобы понадобилось срочно эту фрезу заточить, а на самом деле, чтобы видеть поближе то, что произойдёт дальше.

Петрович не торопясь прошёл к большому двухстороннему наждаку, вывезенному ещё из Германии в счёт военных репараций, и безупречно работавшему до сих пор. Вставил папироску в наборный мундштук, взял лежавший на станине станка остаток сварочного электрода, и плотно прижал его к вращающемуся наждаку. Через несколько секунд конец электрода стал плоским и ярко красным. Петрович поднёс его к папироске и сладко затянулся... В следующее мгновение удивлённое лицо Петровича озарилось несильной вспышкой и папироска стала похожа на уродливую розочку, торчащую у Петровича из рта.

А ещё через мгновение Петрович бежал по проходу между станками за улепётывавшим во весь дух Санькой. В руках у него была тяжёлая железная шарошка, которой выравнивают от биения наждачные камни. Петрович орал и матерился, такого мата Володька не слышал отродясь. Догнать Саньку не успел – всё-таки разница в возрасте, да и страх придал тому силы. Правда потом Санька полсмены опасался подойти к своему станку, хотя мужики Петровича и уговаривали, мол, это над Санькой молодые хотели подшутить, а оно вон как получилось...

За куревом к Саньке Петрович не подходил, наверное, недели две, а потом снова послышалось привычное «Дай закурить!». Видно и вправду говорят, что горбатого только могила исправит.

Май 2013 г.